

ных интересов России во внешнем мире, но и воздействует по большому счету на сами основы и перспективы существования страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безруков Л.А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.

2. Безруков Л.А. Трансформация структур хозяйства и населения Сибири на постсоветском этапе // География и природные ресурсы. 2020. № 4. С. 25–36.

Leonid A. Bezrukov

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

EURASIAN CONTINENTALISM IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY AND INTERNAL DEVELOPMENT

***Annotation.** The concept of Eurasian continentalism is formulated and its relevance for post-Soviet Russia is substantiated. Examples of real actions and processes in Russia's foreign policy and internal development are considered, which both correspond to the trends of this Eurasian strategy and contradict them. The conclusion is made about the long-term nature of the creation of the Eurasian continental integration.*

***Keywords:** Eurasian continentalism, foreign policy, internal development, "Greater Eurasia", Eurasian continental integration.*

УДК 913; 332.1

Водичев Е. Г.

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск; Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

СИБИРЬ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

***Аннотация.** В статье на основе ретроспективного анализа сформулированы представления о месте Сибири в глобальной динамике. Показана неэффективность стратегий, базирующихся на модели развития, уходящих корнями в ее имперское прошлое. Делается вывод о необходимости изменения парадигмы пространственного развития страны и обеспечения ее территориальной сбалансированности. Повышение уровня демографической и инвестиционной привлекательности Сибири является предпосылкой выхода страны на новую траекторию развития.*

***Ключевые слова:** Сибирь, пространственное развитие, Российская Федерация, континентальная империя, стратегии развития.*

Введение. Эпоха постмодерна значительно изменила конфигурацию политического и экономического пространства, что резко актуализировало дискурс о дальнейшем развитии России. Одним из наиболее острых вопро-

сов являются представления о роли Сибири в стратегиях РФ. Существует официальная точка зрения, отраженная в документах доктринального характера [1], которая, однако, оставляет возможность для альтернативных суждений. Цель данного текста — на основе ретроспективного анализа сформулировать авторское видение причин стратегического дисбаланса в пространственном развитии РФ. Концептуальной основой статьи являются представления о механизмах и закономерностях развития континентальных империй.

Результаты. СССР всей своей историей демонстрировал преемственность имперским геополитическим стратегиям прошлого, развиваясь как континентальная империя, прирастая новыми пространствами и расширяя свое влияние на ближнюю и дальнюю периферию. С падением СССР оказалась прерванной логика развития страны, сохранявшаяся, как минимум, на протяжении трех столетий. Империя в России рухнула лишь в 1991 году. Однако справедливо мнение, что страна одновременно являлась и европейской империей, и периферией. Как отмечает бельгийский историк Д. Ливен, «Империя предполагает огромную мощь, а также государство, правящее обширной территорией и множеством народов. ... Периферия означает, что Россия находилась на окраине Европы (и — шире — западной цивилизации) как с точки зрения мощи, так и с точки зрения ценности» [2].

Россия имела немало общего с другими империями. Но в отличие от держав, обладающих колониями в виде заморских территорий, Россия всегда оставалась континентальной империей. По словам В.О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [3]. Со временем колонизируемые пространства многократно превзошли исторический российский «хартленд».

Представление Российской империи и СССР именно как империй континентальных позволяет многое понять в их амбициях и стратегиях, поскольку законы развития таких государств всегда связаны с расширением пространства. Такую логику диктовали факторы обеспечения геополитического статуса и безопасности, а также заинтересованность в получении дополнительных ресурсов, определяющих имперский потенциал. Особую роль всегда играло азиатское направление. Позиционируя себя как европейскую державу, аргументы для утверждения своего глобального статуса Россия искала в Азии. К тому же новые территории позволяли апробировать социально-экономические и социокультурные инновации, поскольку периферийные регионы были свободны от традиционных форм российской экономики и социума.

Страна обретала новые ресурсы на востоке и юго-востоке. Естественно, что в центре такого вектора находилась Сибирь, хотя это направление включало в себя и территории «ближнего пояса» Центральной Азии. Постепенно расширялся сам «хартленд», понимаемый как важнейшая генерирующая часть системы [4]. Россия продвигала свои шаблоны, стремясь втянуть в свою орбиту как можно больше соседей. Итоги Второй мировой войны окончательно оформили СССР как континентальную империю с интересами и на востоке, и на западе, располагавшую совокупностью колоний и зависимых от нее марионеточных государств. При этом колониальные территории непосредственно входили в состав государства, а периферия формировала зависимые страны, которые одновременно выступали в качестве буфера между собственно империей и внешним миром.

Еще одной особенностью России, а затем и СССР, стало фактическое отсутствие у колониальной империи полноценной метрополии, роль которой замещали имперские столицы. Эта функция столиц приводила к постоянно возрастающей асимметрии между условным центром (метрополией) и периферией. В результате страна не только оставалась крупнейшей континентальной империей, располагающей огромными колониями в Евразии, но и транслировала колониальную матрицу управления на исторические земли в европейской части страны. Как справедливо отмечено, «Россия, переименованная в Советский Союз, сохранила все атрибуты империи и, в первую очередь, сильный централизм Москвы, контролирующей огромные разнородные части на периферии. Целостность российской империи зависит от московской центральной власти, любое ослабление которой усиливает центробежные тенденции на периферии» [5].

«Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» [6]. Название этой фундаментальной работы Н.М. Ядринцева отражает концептуальные представления о месте и роли восточного направления в экспансии Российской империи на конец XIX века. В советскую эпоху регион фактически продолжил существование как внутренняя колония с точки зрения использования его ресурсного потенциала. Необходимо отметить специфический характер российского имперского колониализма в Сибири: он базировался, прежде всего, на переселенческих практиках, добровольных и/или принудительных, и на режиме жесткой экономической эксплуатации в рамках концепта «регион для страны» при практически полном игнорировании интересов самого макрорегиона. Колониальный или квазиколониальный режим эксплуатации Сибири воплотился в утверждении именно такой модели центр-периферийных отношений. В самой метрополии уже со времен Ивана Грозного Сибирь считалась неотъемлемой частью страны.

Интенсивное экономическое развитие Сибири происходило лишь в последние сто лет. К рубежу 1980-х — 1990-х гг. Сибирь входила в число ведущих в экономическом отношении регионов страны. Но она оставалась ресурсно-территорией с нарастающими экологическими проблемами, непривлекательной для постоянного проживания. Отношения столиц и Сибири в историческом прошлом всегда выражались в виде дихотомии «метрополия — колония». Восточные территории представляли интерес, главным образом, с точки зрения их ресурсного потенциала, освоение которого осуществлялось селективно, в зависимости от военно-стратегического императива или экономической целесообразности страны в целом, а еще чаще ее столицы.

Как отмечают некоторые эксперты, после распада СССР «...русские все-таки удержали главную драгоценность своей имперской короны — Сибирь». Это произошло, несмотря на начавшийся в первые постимперские годы, в начале 1990-х гг. «парад суверенитетов» и вновь пробуждающуюся сибирскую идентичность [7]. «Сибирь стала не просто намного важнее для России. Она превратилась в ее главную экономическую ценность. ... В 2014 г. московская колония занимала 75% территории страны, там жило 20,5% ее населения, и она давала 76-78% национального экспорта» [8]. Но при этом РФ унаследовала прежние подходы, в том числе и явную недооценку социальных факторов развития, и недостаточность вложений в инфраструктуру и защиту окружающей среды.

Выводы. Ныне Россия переживает постимперский синдром, понимаемый как длительный исторический этап, затрагивающий как центр, так и периферию [9]. Распад СССР и утрата буфера из стран-сателлитов определяют необходимость акцентов на внутреннюю стабилизацию и трансформацию. Однако влияние двух ключевых аргументов — наличия ядерного оружия и огромных ресурсов и территории, обеспечили сохранение амбиций.

В условиях распада империи развитие страны по колониальным шаблонам в долгосрочной перспективе представляется неразумным. Попытки возвращения к ним обречены на неудачу из-за отсутствия экономических, социальных, технологических и моральных предпосылок. Это касается и Сибири, где изменение концепта развития актуально уже давно. Существует мнение, что этот регион не нужно искусственно «развивать»; надо просто дать ему возможность развиваться самому, как это делают наделенные богатыми ресурсами колонии» [8].

Выход из постимперского синдрома для России лежит, вероятно, на путях интеграции, прежде всего — на постсоветском пространстве. Именно здесь использование ресурсов и возможностей «мягкой силы» бывшей империи пока представляется наиболее актуальным. Но здесь же возникают и наибольшие вызовы, связанные с долговременной памятью об использова-

нии инструментов насилия и давления. Основные перспективы ныне связываются с интеграционными практиками Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Но для их активации необходимо рассматривать ЕАЭС не как средство восстановления прежней зоны влияния, а как инструмент повышения эффективности экономик независимых государств, включая Россию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.economy.gov.ru/minec/resources/bd09077d-0fe1-49e5-afe2-e6523919dbb6> (дата обращения: 08.11.2021)
2. Караганов С.А. Рецензия на книгу Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история. М., Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kak-imperiya-i-periferiya> (дата обращения: 08.11.2021).
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. Лекция II. // Сочинения в девяти томах. Т. I М., Мысль, 1987. С. 50.
4. Hooson, D.J.M. A new Soviet heartland? // The Geographical Journal. 1962. March. Vol. 128. No1. Pp.19-29; См. также: Hooson, David J.M. A new Soviet heartland? Princeton, New York, Toronto and London. DeVanNostrand, 1964.
5. Kučík, Vít. Ruskonení moderní národní stát, aleposlední evropská říše // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ceskapozice.lidovky.cz/tema/rusko-neni-moderni-narodni-stat-ale-posledni-evropska-rise.A171103_004319_pozice-tema_lube (дата обращения: 08.11.2021)
6. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, Сибирский хронограф, 2003.
7. Vodichev, Evgeny and Lamin, Vladimir. Russian identity and Siberian self-identification: historical traditions in the global world, pp. 111-138 // Russia and Globalization. Identity, Security, and Society in the Era of Change (edited by Douglas W. Blum). Woodrow Wilson International Center of Scientists. Washington, D.C., 2008.
8. Inozemtsev, Vladislav. Russia, the Last Colonial Empire // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/>(дата обращения: 08.11.2021)
9. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история; Trenin D. Moscow's task is to build a nation not an empire // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/dbbbb2da-0045-11e4-a3f2-00144feab7de?siteedition=intl#axzz36BPOwvkb> (дата обращения: 08.11.2021).

Evgeniy G. Vodichev

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk
National Research Tomsk State University, Tomsk*

SIBERIA: NEW CHALLENGES AND IMPERIAL HERITAGE

***Annotation.** Based on a retrospective analysis, the article formulates ideas about the status of Siberia in global dynamics. The ineffectiveness of strategies based on a development model rooted in its imperial past is shown in the paper. The conclusion is made*

about the need to change the paradigm of the country's spatial development and ensure its territorial balance. An increase in the level of demographic and investment attractiveness of the Siberians presented as a prerequisite for a new development trajectory.

Keywords: *Siberia, spatial development, Russian Federation, continental empire, development strategies.*

УДК 911.3

Дирин Д.А.

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

«ГОРНЫЙ ФАКТОР»: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

***Аннотация.** В статье анализируются общие фундаментальные факторы и закономерности формирования, пространственной организации и функционирования культурных ландшафтов в горных территориях.*

***Ключевые слова:** горные культурные ландшафты, фундаментальные закономерности формирования и развития, горные территории, природопользование, дихотомия «горы-равнина».*

Постановка проблемы. Вопросы природной детерминированности культурного развития и пространственной дифференциации культур обсуждаются со времен античности. Одним из наиболее ярко выраженных природных факторов, воздействующих на общественную организацию, является рельеф. Данная статья посвящена анализу фундаментальных закономерностей и региональных особенностей пространственной организации и динамики культурных ландшафтов в горах.

Под термином «культурный ландшафт» автор понимает территориальные системы жизнедеятельности локальных сообществ людей, в которых, в результате длительного взаимодействия и взаимоадаптации культура данного сообщества глубоко проникает во вмещающую ее природную среду (через систему расселения, хозяйственные угодья, сооружения и пр.), а природа проникает в культуру (в виде фольклора, религиозно-мифологических и космогонических представлений, специализации хозяйственной деятельности используемых в быту природных материалов, традиционного рациона питания и пр.). Культурный ландшафт мы рассматриваем как основную таксономическую единицу геокультурного пространства. Геокультурное пространство — иерархическая система, в которых геокультурные комплексы более высокого таксономического уровня включают комплексы, находящиеся на ступеньку ниже в иерархи-